

References:

1. Angliyskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI veke (English travelers in Muscovy in the 16-th century), Got'e, Yu. V., transl. to Russian, Leningrad: OGIZ, 1937.
2. Kashin, V. N., Torgovlya i torgovyy kapital v Moskovskom gosudarstve (Trade and Merchant Capital in Muscovy), Leningrad: Izdatel'stvo «Kubich», 1929.
3. Lyubimenko, I. I., Torgovye snosheniya Rossii s Angliyei pri pervykh Romanovykh (Trade Relations Between Russia and Britain under the First Romanov), Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya, vol. 64, Petrograd, November-December, 1916.
4. Pervye sorok let snosheniy mezhdu Rossiey i Angliyei. 1553–1593. Gramoty sobrannye, perepisannye i izuchennye Yuriem Tolstym (The First Forty Years of Relations between Russia and England. 1553–1593. Diplomas Compiled, Copied and Studied by Yuri Tolstoy), Saint-Petersburg: Tipografiya i khromolitografiya A. Transhelya, 1875.
5. Potto, V. A., Dva veka Terskogo kazachestva (1577–1801) (Two centuries of the Terek Cossacks (1577–1801)), vol. 1, Vladikavkaz: Elektropechatnya Tipografii Terskogo Oblastnogo Pravleniya, 1912.

Б. В. Виноградов*

**К ПРОБЛЕМЕ ВЛИЯНИЯ АНГЛИЙСКОЙ
ДИПЛОМАТИИ НА ВОЗМОЖНОСТИ
И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ
РОССИЙСКОГО СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
В XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВВ.**

В статье анализируется ряд аспектов воздействия британской дипломатии на возможности российской политики на Северном Кавказе в контексте международных отношений XVIII – начала XIX в.

Ключевые слова: российский Северный Кавказ, геополитические интересы, Восточный вопрос, наполеоновские войны.

Российско-британские взаимоотношения в широком хронологическом диапазоне оцениваются как достаточно сложные и неоднозначные. Союзнические отношения двух держав в период наполеоновских войн, а также – в двух мировых войнах броса-

---

* ВИНОГРАДОВ Борис Витальевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и методики ее преподавания Филиала Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани, г. Славянск-на-Кубани, Россия. Электронная почта: vinogradov.b@mail.ru.

ются, конечно, в глаза, однако они были во многом обусловлены критическими для обеих сторон обстоятельствами и не могут отменить более долговременные внешнеполитические тенденции. Явно антироссийская политика Англии, начиная со второй четверти XIX в., в кавказском и Восточном вопросах, взаимные противоречия вокруг Средней Азии и многочисленные «сюжеты» из истории XX – начала XXI в. являются тому подтверждением.

Достаточно известно утверждение, что если бы Кавказом не овладела Россия, там бы доминировали не ослабленные и все более зависимые от великих держав Европы Османская империя и Иран, а именно Великобритания, и геополитические обстоятельства второй четверти - середины XIX в. подобный сценарий вполне допускали. В данном контексте возможности и перспективы формирования российского Северного Кавказа в какие-то периоды прямо, в какие-то – косвенно зависели от позиции Великобритании, как собственно во взаимоотношениях с Россией, так и применительно к проблемам международных отношений соответствующих периодов времени.

Не нуждается в обоснованиях то, что на протяжении XVIII в. Англия стремилась по возможности использовать Россию в своей затяжной борьбе с Францией. А если учесть, что именно Франция имела тогда преобладающее, среди других европейских держав, влияние на Османскую империю, то должно было получаться, что Англия – потенциальный союзник России против турок. Однако подобная упрощенная логика на деле не срабатывала. Очевидное геополитическое усиление России в XVIII в. не устраивало и беспокоило практически все западноевропейские державы, и контуры тех или иных европейских противоречий и коалиций были не в состоянии изменить данную тенденцию. Еще в советской историографии было верно подмечено, что «Форин-оффис издавна мотивировал свое вмешательство в сферы влияния России, расположенные в тысячах километров от Англии, мифической русской угрозой Индии – источнику британского могущества» [6, с. 6]. Да и определившийся к концу XVIII в. Восточный вопрос предполагал для европейских дипломатий вариант «на вырост»: по возможности поддерживать «больного человека» (то есть Османскую империю), не допуская решительного усиления России на Балканах, как, впрочем, где бы то ни было.

Позиция британской дипломатии по отношению к перспективам усиления России на Кавказе и в Восточном Причерноморье стала определяться в процессе оформления итогов османо-русских войн XVIII в. Так, в событиях завершающего этапа войны 1736–1739 гг. Англия не стала пророссийским политическим

«игроком», вопреки всем своим долговременным противоречиям с Францией, которая, наряду с Австрией и Швецией, заняла тогда антироссийскую, проосманскую позицию. Для России это вылилось в заключение Белградского мира с Турцией, условия которого, при всей дискуссионности их современных оценок, не соответствовали успехам русского оружия. Нейтрализация взятого штурмом Азова и его окрестностей откладывала для России перспективу выхода в Черное море, а весьма своеобразно оцениваемая сегодня некоторыми историками «нейтрализация Кабарды» обусловила как продолжение осmano-российского соперничества по «кабардинскому вопросу», так и дальнейшее обострение распрей в самой Кабарде [см. подробнее: 7, с. 94-96].

Правда, выработка победного для России Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г. с Османской империей не позволяет вменить британской дипломатии какие-то прямые или косвенные антироссийские помыслы. В историографии даже есть точка зрения, что «Англия долго закрывала глаза на восточные захваты России. Она долго рукоплескала победам Екатерины II» [1, с. 181]. Здесь возникает вопрос: на какие такие «восточные захваты» России «Англия долго закрывала глаза»? Ведь можно вспомнить английские колониальные аппетиты того времени... В свое время даже Э. Спенсер, которого трудно заподозрить в пророссийских настроениях, утверждал, что то же движение на Кавказ для России не вопрос свободного выбора, а «суровая политическая необходимость» [Цит. по: 3, с. 66]. Но есть тенденция, типичная для зарубежной и части отечественной историографии: стремление Российской империи обезопасить собственную территорию и выйти к «естественным границам» рассматривать в кривом зеркале мифов о российской экспансии.

Уже при выработке условий Ясского трактата с Османской империей (1791) Англия, наряду с Пруссией, способствовала их половинчатости для победившей России [9, с. 41-49]. Видимо, Османская империя уже не рассматривалась как креатура Франции, которой, как известно, в 1791 г. было не до того. В любом случае, рукоплескать победам Екатерины II английская дипломатия в данном случае не желала, а мотив вовлечения России в антифранцузские коалиции еще не созрел. Применительно к Северному Кавказу позиция Англии дополнительно предопределила для России невозможность присоединения Левобережья Кубани, частично занятого российскими войсками [2, с.70-71].

Переход революционной Франции от оборонительной войны с интервентами-роялистами к собственно захватнической политике привел к вовлеченности России в антифранцузские

коалиции. Смерть в 1796 г. Екатерины II отсрочила это очень ненадолго и в 1798 – 1799 гг. Англия и Россия были союзниками. Контуры тогдашних внешнеполитических коллизий обусловили беспрецедентный российско-турецкий «союзный и оборонительный договор» декабря 1798 г., направленный против Франции и дававший России ряд политических возможностей на Кавказе [2, с. 79]. Однако в целом в борьбе с теперь уже наполеоновской Францией у России не было тогда собственного геополитического интереса, а поведение и интересы союзников по коалиции (в том числе – Англии) вызывали у императора Павла I многочисленные вопросы. Оформившееся в 1800 г. фактическое союзничество Павла I с Францией теперь уже действительно стало угрожать Британской Индии и прочим интересам Англии, что предопределило непосредственное участие английской дипломатии в свержении и убийстве несговорчивого императора. А еще в 1800 г. в Иран было направлено английское чрезвычайное посольство. Капитану Д. Малькольму удалось заключить договор о военно-политическом союзе с Ираном, имевшим тогда с Россией более чем непростые отношения. Фактически договор активизировал шахское правительство в его видах на Кавказе, что противоречило российским планам в регионе. Ставя Иран в зависимое от себя положение, Англия думала о собственном будущем торговом и политическом проникновении в Грузию и Северный Азербайджан [4, с. 11-12].

Царствование Александра I быстро ознаменовалось победой проанглийской «партии» и возобновлению российского участия в антифранцузских коалициях. Военные компании 1805 и 1806 – 1807 гг., неудачные для участников антифранцузских коалиций и для России конкретно, привели к ослаблению российских армейских контингентов на Кавказе, что в условиях войн с Ираном (1804–1813) и Османской империей (1806–1812) было для российской стороны невыгодно. К тому же значительная часть российских войск находилась в Закавказье, и контролировать ситуацию на Кавказской линии становилось все более проблематично, при том условии, что политика «ласканий» горцев постепенно заходила в тупик. Несколько лет Россия воевала на несколько фронтов, а в 1806 – 1807 гг. – сразу против Франции, Турции и Ирана, причем наполеоновская дипломатия стояла за Восточными державами, когда Россия была в коалиции с Англией. Тильзитский мир 1807 г. привел к изменению внешнеполитических раскладов: теперь Великобритания активно поддерживала Османскую империю и Иран против России, в том числе – провоцируя

и спонсируя турецкие происки на Северном Кавказе. К тому же Англо-иранский договор 1809 г. вынуждал Иран продолжать войну с Россией, в обмен на субсидии, помощь оружием и инструкторами [4, с. 12]. Одновременно Тегеран усилил свою агентурную деятельность среди горцев Северного Кавказа. В Петербург сообщалось, что «правительство персидское с помощью английского золота возбуждает к возмущениям и набегам» местных владельцев [8, л. 59].

Несмотря на фактор Отечественной войны 1812 г., на естественное прекращение вынужденного военно-политического партнерства России с Наполеоном, «кавказские итоги» войн России с Ираном и Турцией, закрепленные Гюлистанским (1813) и Бухарестским (1812) договорами соответственно английскую дипломатию на перспективу не устраивали. Показательно, что в 1813 г., накануне заключения Гюлистанского мира, уже будучи союзницей России в борьбе с Наполеоном, Англия подстрекала Иран делать как можно меньше уступок России [5, с. 29].

Как известно, окончательный разгром наполеоновской Франции в результате заграничных походов российской армии (1813–1814), против политической целесообразности которых, кстати, возражал М. И. Кутузов, привел к объективно невыгодному для России внешнеполитическому раскладу в Европе. Значительное усиление Великобритании обусловило оспаривание ею российских интересов в целом, и на Кавказе – в частности. Заключенный в 1815 г. Священный союз в данном смысле ничего не менял, оказавшись структурой нежизнеспособной в политическом отношении.

Дальнейшее усиление России на Северном Кавказе и в Закавказье в результате победных войн с Ираном и Османской империей предопределяет стойкие и долговременные антироссийские настроения и действия британской дипломатии, серьезно затруднявшие процесс формирования российского Северного Кавказа.

Использованная литература:

1. Вандаль А. Наполеон и Александр I. Ростов-н/Д: Феникс, 1995. Т. 2: От Тильзита до Эрфурта.
2. Виноградов Б. В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783-1816 гг. Славянск-на-Кубани: Издательский центр Славянского-на-Кубани гос. пед. ин-та, 2005.
3. Дегоев В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М.: Русская панорама, 2001.
4. Жигалина О. И. Великобритания на Среднем Востоке XIX – начала XX в. М.: Наука, 1990.

5. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / отв. ред. А. Л. Нарочницкий. М.: Наука, 1988.
6. Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII – 80-е гг. XIX вв.). М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 1984.
7. Очерки истории российского Северного Кавказа второй половины XVI – середины XIX в. / под общ. ред. В. Б. Виноградова. Славянск-на-Кубани: Издательский центр Славянского-на-Кубани гос. пед. ин-та, 2010.
8. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846. Д. 61.
9. Юзефович Т. Договоры России с Востоком, политические и торговые. СПб.: Тип. О. И. Бакста, 1869.

TO THE PROBLEM OF THE INFLUENCE OF ENGLISH DIPLOMACY ON OPPORTUNITIES AND PROSPECTS OF FORMATION OF THE RUSSIAN NORTHERN CAUCASUS IN THE 18-TH – EARLY 19-TH CENTURIES

VINOGRADOV Boris V. – Dr. Sci. (National History), Prof., Department of History and Methods of its Study, Slavyansk-on the-Kuban Branch of the Kuban State University, Slavyansk-on the-Kuban, Russia.

E-mail: vinogradov.b@mail.ru

The article examines several aspects of the impact of British diplomacy on the capabilities of the Russian policy in the Northern Caucasus in the context of international relations of the 18-th – beginning of the 19-th centuries

Keywords: Russian Northern Caucasus, geopolitical interests, the Eastern question, the Napoleonic wars.

References:

1. Vandal', A., Napoleon i Aleksandr I (Napoleon and Alexander the First), Rostov-na-Donu: Feniks, 1995, vol. 2: Ot Til'zita do Erfurta.
2. Vinogradov, B. V., Spetsifika rossiyskoy politiki na Severnom Kavkaze v 1783-1816 godakh (The Specifics of Russian Policy in the North Caucasus in 1783-1816), Slavyansk-na-Kubani: Izdatel'skiy tsentr Slavyanskogo-na-Kubani gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta, 2005.
3. Degojev, V. V., Bol'shaya igra na Kavkaze: istoriya i sovremennost' (Great Game in the Caucasus: History and Modernity), Moscow: Russkaya panorama, 2001.
4. Zhigalina, O. I., Velikobritaniya na Srednem Vostoke XIX – nachala XX vekov (Britain in the Middle East in the 19-th - early 20-th Centuries), Moscow: Nauka, 1990.

5. Istoriya narodov Severnogo Kavkaza (konets XVIII v. – 1917 g.) (The History of the North Caucasian Peoples (the End of the 18-th Century - 1917)), Narochnitskiy, A. L., Ed., Moscow: Nauka, 1988.

6. Kinyapina, N. S., Bliev, M. M., Degoev, V. V., Kavkaz i Srednyaya Aziya vo vneshney politike Rossii (vtoraya polovina XVIII – 80-e gody XIX vv.) (Caucasus and Central Asia in Russian Foreign Policy (the Second Half of the 18-th – 80s of the 19-th Centuries)), Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, 1984.

7. Ocherki istorii rossiyskogo Severnogo Kavkaza vtoroy poloviny XVI – serediny XIX veka (Essays on the History of the Russian North Caucasus in the Second Half of the 16-th - the Middle of the 19-th Centuries), Vinogradov, V.B., Ed., Slavyansk-na-Kubani: Izdatel'skiy tsentr Slavyanskogo-na-Kubani gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta, 2010.

8. Russian State Military History Archives (RGVIA), Fund 846, File 61, Sh. 59.

9. Yuzefovich, T., Dogovory Rossii s Vostokom, politicheskie i torgovye (Treaties between Russia and the East, Political and Trade), Saint-Petersburg: Tipografiya O. I. Baksta, 1869.

О. Н. Маркова*

ТАМАНСКИЕ ДРЕВНОСТИ В СВИДЕТЕЛЬСТВАХ АНГЛИЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX ВВ.

Статья посвящена вкладу английских путешественников конца XVIII – начала XIX вв. в исследование истории Тамани (Северное Причерноморье). Дается краткая характеристика содержащейся в опубликованных травелогах информации об историческом наследии Тамани. Обращается внимание на ее значение как исторического источника в настоящее время.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Тамань, археологические памятники, британские путешественники, травелог.

В истории изучения историко-культурного наследия Северного Причерноморья важное место занимают свидетельства путешественников, в том числе иностранных, побывавших здесь в конце XVIII – начале XIX вв., вскоре после присоединения Крыма, Тамани и Правобережья Кубани к Российской империи.

---

* МАРКОВА Оксана Николаевна, заместитель директора Западно-Кавказского научно-исследовательского института культурного и природного наследия, г. Краснодар, Россия. Электронная почта: markova_oks@mail.ru.